

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М57

Дизайн серии *Марии Коняевой*

Художественное оформление серии *Юлии Девятовой*

В оформлении переплета использована иллюстрация:

© Helena Lansky / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Миа, Яна.

М57 Мы вернемся / Яна Миа. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-113808-0

Что, если все персонажи, умершие в книгах, фильмах и сериалах, не исчезают бесследно?

Последнее, что помнит Элис, — потолок больничной палаты, врачи и писк множества мониторов. Затем тьма поглотила ее.

На этом должно было все закончиться. Но внезапно Элис приходит в себя в незнакомом доме, населенном странными людьми. Ей придется не только осознать, что она умерла, но и принять тот факт, что она и не жила вовсе, ведь Элис — часть Вселенной мертвых персонажей. Хватит ли ей сил отпустить прошлое и начать жить заново, поступая так, как хочется ей самой, а не всемогущему автору? И сможет ли она найти ответы на вопросы этого мира, такого загадочного и почему-то незавершенного?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Яна Миа, 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113808-0

Часть I
ВСЕЛЕННАЯ МЕРТВЫХ
ПЕРСОНАЖЕЙ

Глава 1

МЕРТВЫМ МОЖНО ВСЕ

— Не двигайся!

На самом деле Элис даже вдохнуть не могла, не то что двигаться. Это, знаете ли, сложно, когда к твоему горлу приставлено копые.

Копье?! Откуда в больнице копые и что вообще происходит?!

Элис вытянулась и мелко задрожала: от страха и напряжения. А еще от холода — несмотря на странность и опасность ситуации, она успела почувствовать неестественный холод, отчего мелкая дрожь медленно переросла в сильную. А это уже грозило либо порезами на шее, либо торчащим из нее же копьём. Элис — как это бывало в самых страшных ситуациях — даже задалась глупым вопросом, что лучше; понимание, что какой-то длинноволосый полуголый парень держит у ее шеи копые, напрочь исключало всякую возможность рассуждать.

— Тише, тише, Астор... Это всего лишь новенькая. Опустит копые.

В темноте раздался еще один голос — кажется, кто-то пытался увести этого чокнутого от кровати Элис.

— Хах, у вас всегда так с бабами обращаются, а, вояка?

Внезапный гогот заполнил комнату, и началась цепная реакция: Элис дернулась, тот, кого называли Астором, дернулся в ответ, лезвие расцарапало кожу на горле, Элис закричала и зажмурилась. Дальше она только слышала: свой крик, ругательства, грохот, словно что-то упало, топот и звук пощечины. Последняя, кстати, не только прекратила весь этот шум, но и заставила открыть глаза — Элис недовольно поморщилась и потеряла горящую щеку.

— Вик, уведи Астора! Быстро!

Кто-то зажег свет, и Элис, немного шурясь и потирая щеку, смогла оглядеться. Не сказать, чтобы увиденное помогло разобраться в этом хаосе, но сразу несколько вещей стали понятны. Во-первых, она не в больнице. Это была обычная жилая комната с двумя кроватями, шкафом и парой мягких кресел. Во-вторых, она прекрасно себя чувствовала без многочисленных аппаратов, трубок и капельниц. В-третьих, вокруг нее было много совершенно незнакомых людей. Компания эта, к слову, была настолько разношерстной и впечатляющей, что Элис чувствовала себя так, словно находится на вечеринке в честь Хэллоуина.

Тем временем девушка по имени Вик увела из комнаты копыеносца, а мужчина, что сидел на ее кровати, повернулся к ней. Хотя мужчина — это слишком громкое слово: парню, что так пристально вглядывался в ее лицо, было не больше двадцати семи. В темноте его голос и тон показались Элис такими жесткими и суровыми, что она легко окрестила говорившего «мужчиной» и промахнулась лет так на пятнадцать.

— Ты в порядке? — Парень, видимо, и сам понял, что вопрос в данной ситуации звучит глупо, и тут же добавил: — Как тебя зовут?

— Элис. — Она поморщилась от жжения на шее. — Что происходит? Где я?

— Ты попала в рай, детка! Пляши! — Грузный бородатый мужчина на кровати слева гоготнул. Элис мысленно сделала пометку врезать ему как следует, когда разберется, что к чему.

— Родж, ради бога, заткнись! — Парень встал и протянул Элис руку. — Ложитесь спать. А мы пойдем на кухню — нужно ей все объяснить и обработать рану.

Еле двигая затекшим телом — шутка ли, столько времени пролежать в палате почти без движения, — Элис поднялась на ноги и схватилась за протянутую руку. Они уже почти вышли из комнаты, когда послышался все тот же раскатистый бас бородача:

— Эван, откуда новенькая? У нас же комплект.

— Сэм... Он вернулся на закате.

— Вернулся? — В дверях показалась та самая Вик.

— Он... что?

Лица у всех присутствующих были такими, словно этот самый Сэм умер и родился одновременно: радость, смущение, неверие и печаль.

— Спице. Завтра поговорим. — Эван помотал головой и вновь повернулся к Элис. И тут она заметила, что глаза у него разные: один карий, а второй зеленый. — Пойдем.

Находясь в каком-то странном трансе, Элис спустилась на кухню. Эван зажег свет, и перед ними предстала довольно большая комната с кучей совершенно разномастных стульев, длинным обеденным столом и полным комплектом современной техники. Эван отодвинул первый попавшийся стул и кивнул Элис.

— Ты прости Астора. Он воин, это у него в крови. Никто не ждал новеньких, и твое появление среди ночи заставило вспомнить Астора все то, чему его учили с детства: защищать и сражаться.

— Воин? Черт, что все это значит? Где я, почему я здесь и каким образом я вообще хожу?!

— Тс-с-с... — Эван осторожно запрокинул голову Элис и принялся обрабатывать рану. Заклеив порезы пластырем, он сел рядом. — Это очень сложно объяснить. И еще сложнее понять.

— А ты попробуй! Иначе я вызову полицию — и они-то уж точно все поймут!

— Элис... — Эван устало потер лоб и тут же вскочил: — Тебе холодно, так ведь?

Только сейчас Элис поняла, что ее колотит — словно она сидит не на уютной кухне, а в морозильной камере.

— Я идиот, прости. Надо было сразу... — Тут же на столе появился стакан, наполовину наполненный чем-то темным.

— Что это?

— Виски. Пей. Тебе поможет.

— Ты серьезно считаешь, что мне нужен виски?!

— Я серьезно считаю, что тебе нужно согреться и поспать. Так всегда бывает по прибытии. И виски — самое то, я знаю.

Элис хотелось вскочить и ударить этого странного парня, но холод становился невыносимым. Резким движением она схватила стакан, но, приняв хавшись, остановилась.

— Мне нельзя пить...

— Пей. Все в порядке.

Парой смелых глотков, обжигаясь и морщась, Элис опустошила стакан. Во рту остался горький привкус спиртного, а по пищеводу разлилось жжение. Элис скептически развела руками, всем своим видом демонстрируя, что виски — последняя вещь, в которой она сейчас нуждалась. Эван тут же налил ей еще порцию и чуть ли не силой заставил выпить. Горло неприятно жгло, но дрожь стала униматься. Окутываемая внезапным теплом, Элис стала медленно съезжать по спинке стула.

— Говорила же... мне нельзя пить...

Эван подхватил ее на руки и отнес на диван в гостиной. И без того худая и почти прозрачная, у него на руках она чувствовала себя пушинкой. Уродливой лысой пушинкой.

— Спи. Теперь тебе можно все, Элис... Мертвым можно все.

* * *

Утро постучалось в сознание Элис ярким солнечным светом и приглушенными голосами. Так хотелось открыть глаза и обнять маму. Ну или хотя бы встретиться с ней взглядом: объятия — слишком сложная процедура для умирающей девушки. А еще хотелось рассказать ей об этом ужасном сне, где на нее набросился воин с копьем, а парень с разными глазами поил виски и говорил, что она умерла. Видимо, препараты делали свое дело: минус боль, плюс галлюцинации. Внезапная волна паники появилась ниоткуда, застучала глупыми словами внутри головы: «Мертвым можно все». Нет, не-е-ет, она не могла умереть сейчас. Еще рано. Врачи говорили, что у нее есть пара недель. Пятнадцать дней, чтобы изучить все морщинки на слишком быстро постаревшем лице мамы. Чтобы послушать все байки отца — он рассказывал их, когда Элис была совсем слаба. Станный способ, но преувеличенно бодрый голос папы всегда держал ее на грани сознания, не позволяя провалиться в пустоту. Пятнадцать гребанных ночей, когда реальность смазывалась, друзья, родственники, медперсонал сливались в один большой калейдоскоп лиц и голосов. У нее было еще две недели жизни — ужасной, болезненной и такой счастливой. Тысячи вдохов и выдохов. Сотни минут рядом с такими живыми и любимыми. Никто не вправе отбирать

у нее эти пятнадцать последних дней. Никто: ни Бог, ни Судьба, ни будь-он-проклят-этот-чертов-рак! Вот сейчас она откроет глаза и начнет отсчет оставшегося времени.

Элис не успела толком осознать, как вскочила с дивана. Ни проводов, ни больничной стерильности, ни мамы. Только восемь пар глаз, уставившихся на нее. И болезненно яркий свет солнца. Летнего солнца. Нереального, невозможного солнца в декабре — а именно декабрь засыпал все снегом за окном, в которое она смотрела еще вчера.

— Отпустите меня...

Элис осела на пол и заплакала. От усталости, от страха, от беспомощности.

— Пусть лучше будет больно. Хватит. Не нужно больше лекарств. Я хочу обратно. В реальность. Это затянулось, слышите! Вы меня слышите?! Доктор Ирвин! Мелани! Мама! Да кто-нибудь!!!

Элис била кулаками по светлому деревянному полу и кричала. Может, так ее услышат? Или хотя бы увидят, что ей неспокойно. Пусть лучше сон, забытье, но не эта фриковая реальность!

— Элис.

Тихий голос Эвана. Словно он осторожно коснулся ее заплаканного лица и тут же отпрянул — обжег пальцы о горячую кожу.

— Это и есть реальность. Ты не спишь. Не в бреду. Это твое настоящее.

Все вокруг смазалось, гул в ушах нарастал. Она позволила усадить себя на диван, на котором еще недавно спала, и даже сделала несколько мелких глотков воды. Тупо уставившись перед собой, Элис пыталась осознать то, что сказал ей Эван. Не выходило.

— Я умерла?

Сказала и сама испугалась, как легко это слово сорвалось с губ, а еще недавно она боялась даже мысленно проговорить его.

— Да.

В этот момент мир должен был схлопнуться, или взорваться миллиардами осколков, или оглушить тишиной... Но нет. Солнце все так же заглядывало в окно, пол под ногами не провалился в зияющую бездну, а басовитый шепот вчерашнего бородача, доносящийся с кухни, все так же раздражал.

— Я дышу. Говорю. Двигаюсь. Как я могу быть мертва?

Тяжелый вздох Эвана мурашками пробежал по коже. Было в этом звуке что-то нехорошее, напрягающее, словно кто-то натягивал тетиву лука, готовясь выстрелить.

— Сейчас я скажу что-то, что тебе не понравится...

— То есть от слов, что я мертва, я должна была прийти в восторг, да?!

Эван опустил на пол напротив нее и взял холодные ладошки Элис в свои.

— Боюсь, что новая информация тебе не понравится еще больше...

«Куда уж больше!» — пронеслось в голове у Элис, но она не стала это озвучивать, здраво рассудив, что Эван и так нервничает не меньше ее самой.

— Элис... Ты не совсем умерла. Ты теоретически не можешь умереть. Потому что... Потому что ты — персонаж. Так же, как и мы.

Это заявление было настолько нелепым, что Элис расхохоталась.

— Seriously? Это что, розыгрыш такой? Шоу какое-то?

— Ага! Шоу убитых персонажей! Кладбище ненужных героев. Свалка забытых историй. Какое название нравится тебе больше? — Рядом с Элис оказалось странное существо: его лицо было настолько изуродовано, что больше напоминало неправильно собранную мозаику, чем голову человека. Да и голос — не голос вовсе. Хрипкое шипение. Покрытые белой пеленой зрачки навели ужас, практически так же, как и странные бескожие пальцы с длинными темными когтями. Рефлекс сработал раньше чувства такта, и Элис резко отодвинулась на край дивана.

— Что, не нравлюсь? — Существо (назвать это человеком не получалось даже мысленно) явно рассмеялось, хотя больше это походило на смесь кашля и карканья. — В моем мире я был очень даже красив. Вот только там я на хрен никому не нужен. Так же, как и ты. Твой автор убил тебя, деточка. Смирись и прекращай корчить из себя жертву. Здесь все такие.

— Ирг, прошу тебя. — Эван устало покосился на очень «дружелюбное» существо.

— Ох, прошу прощения, мистер Понимание-и-Помощь! Только твои сюсюканья делу не помогают. Сейчас она опять разревет-

ся, закатит истерику, а потом будет загадывать перед сном, чтобы проснуться обратно «у себя». — Ирг сложил руки, словно молился, и возвел глаза к потолку. Элис подумала, что в «своем мире», как он выразился, он вполне мог быть еще и актером. Неплохим, но гадким актером. — Только ты знаешь, что дороги назад нет, а вот она не знает. Так что лучше уж сразу объяснить этой истеричке, что в свою реальность она никогда не попадет, и дальше ей придется существовать в этом мире вместе с миллионами таких же ненужных шутов. А главное — самой. Больше никто не придумает, что она должна сказать и как поступить. Ты теперь самостоятельная мертвая героиня очередного бреда умника, возомнившего себя писателем или сценаристом! Так что, может, хватит жевать соп-ли?! Ты не можешь умереть, ведь ты и не жила!

— Ирг! — тон Эвана становился угрожающим. Настолько угрожающим, что будь Элис вооружена до зубов, даже тогда не стала бы перечить этому человеку. Ирг, видимо, тоже уловил эти интонации, поэтому, презрительно хмыкнув, вышел из комнаты. И вот теперь все утонуло в тишине. Никто не решался открыть рот после пламенной речи Ирга. Никто, кроме самой Элис.

— Персонаж чего?

— Прости?

— Персонаж чего: книги, фильма?.. Откуда я?

— Мы не знаем. Никто не знает.

— Неужели нельзя узнать? Интернет, магазины? Ведь раз это кто-то придумал, это существует!

— Только не здесь. Мы не можем узнать, откуда мы пришли. И что стало с нашими мирами после нашего ухода...

Элис растерянно озиралась по сторонам. Бред, это все какой-то бред! Так не бывает... Столько всего свалилось на нее за последний час, что осознать это слишком сложно. Еще сложнее — принять. Словно ты в один момент потеряла себя. Пустота. Страх. Неверие.

— Вы вчера говорили, что тут был «комплект». В каком смысле? Нас как-то сортируют? — сказала и сама поежилась, словно с головой погрузилась в болото.

— Нет. Мы не знаем, по какому...

— Вы хоть что-нибудь знаете?! — Закрыла глаза, досчитала до пяти. «Здесь все такие». — Прости.

Эван, видимо, не первый раз консультировал новичков — он лишь махнул рукой и продолжил:

— Мы не знаем, по какому принципу нас распределяют по домам. В любом случае ты вполне можешь поселиться где-то в другом месте, если захочешь. А комплект — это своего рода шутка. Десять спальных мест — десять персонажей. Еще вчера вечером у нас был «комплект» — все десять.

— Я появилась тут, потому что какой-то Сэм вернулся, так? Как он мог вернуться?

— Такое бывает. Но очень редко. Не всех воскрешают авторы. Не всех могут.

— Сэма могли?

— Видимо, да. Он ведь был оборотнем — кто там знает, что у них возможно.

— Оборотнем? Их не существует! — Снова Элис сказала раньше, чем подумала. И тут же пожалела.

— Тебя, в общем-то, тоже, — совершенно безэмоционально бросила татуированная блондинка, которую Элис видела вчера ночью.

Все верно. Ее нет. Она — набор слов, образ, чья-то выдумка.

Кажется, по сравнению с этим ее смерть — не такая уж и большая беда. Есть ли что терять тому, кто существовал по чьей-то прихоти?

Эмоции переполняли Элис, и сидеть на месте под этими внимательными и сочувствующими взглядами не было сил. Бросив тихое «Не надо» тому, кто попытался пойти следом, она вышла на улицу. Яркое солнце покрывало все вокруг налетом приглушенного света, словно Элис смотрела на мир сквозь фильтр для камеры. Она огляделась. Простые дома в три-четыре этажа. Лужайки. Вдали виднеются небоскребы и многоэтажки. Чуткий слух улавливает шум воды — значит, недалеко море или океан. Обычный город. Обычный летний день. В самом необычном месте — Вселенной мертвых героев.

Куда она шла, Элис не знала и за дорогой не следила. О том, что придется возвращаться, она даже не подумала. Ее мысли были далеко отсюда. В другом мире. Там, где ее сейчас оплакивали. А было ли оно так? Или, может, с ее смертью закончилась и сама

история? Все застыли. Или они живут дальше? Что ты там придумал, дорогой автор?! На что еще хватило твоей фантазии?

Все-таки она расплакалась. Это так... мерзко! Да, вот правильное слово! Мерзко понимать, что вся твоя жизнь — выдумка. Что твоя болезнь — чужая прихоть. Мечты о карьере врача — просто строчка в тексте. И то, что ты любишь фильмы о любви. И то, что Райан бросил тебя, добившись своего на выпускном. И твоя «большая любовь» Маркус, неловко прощавшийся с тобой в больнице, сбежавший от трудностей и боли, — тоже чья-то воля. Иллюзия. Ну почему? Почему ее не вписали в счастливую историю? За что она страдала, мучилась, умирала?

Так хотелось чувствовать себя человеком. Но ничего ей не принадлежало: ни мысли, ни желания, ни слова. Она сама себе не принадлежала.

Она не человек. Она просто персонаж. Выдумка.

Ее нет. И никогда не было.

Она не жила.

Но успела умереть. Или нет?

Кто теперь разберет, как все это назвать? Кто скажет, что правильно? А еще лучше — расскажет, как с этим смириться, как жить дальше.

— Лучше было бы уйти в тень. У тебя очень тонкая кожа — еще обгоришь.

Эван протянул руку, и Элис послушно встала с песка. Как она очутилась на пляже? Да важно ли? Они молча шли вдоль берега к навесам — спрятаться от солнца было хорошей идеей. Особенно в том случае, когда твоя кожа не видела солнца очень давно. Да и загорать человеку, который перенес столько химиотерапии, чьи волосы и ресницы остались лишь воспоминанием... Хотя что может случиться с тем, кто уже умер? А если он к тому же и не существовал?

— Сложно?

— Очень. Все время кажется, что это просто сон. Или бред из-за лекарств. Так же не бывает — персонаж, вот это все...

— Ты привыкнешь. Поначалу всем тяжело принять, но потом... Потом ничего не остается, кроме как жить дальше.

— Тебе тоже было сложно?